

В. СУХАРЕНКО Н О Я Б Р Ъ

Сквозь ноябрь озера, реки,
Соткал узоры на стекле,
А проводов стальные веки
Приблизил инеем к земле.
Прикрыл поля ковром
пушистым,
Намел сугробы над мостом,
Зажег на солнце снег
искристый
Созвездьем радужных
цветов.
И, в путь неблизкий
собираясь,
Хрустя, выходит за порог,
Неторопливо уходясь
Зеркальной смежностью
дорог...

Я помню цветущий
Ромашками дворики...
Теперь все бурьяном
Густым заросло.
Как в издешние теплою,
С сестренкой и братьями
Тихонько под мамини
Песни росли.
Мела за окошком
Пурга непрятная,
С приходом бесны
Гаснушками цветы.
Летели тогда,
И уютный наш домик
Давно позабыл
Песни детства и плач.
Но мы не забыли
Ромашковый дворик,
Менту голубую,
Что в нем родилая.

Л. СМОЛЫНKOBA

Я чаю, в обни твоей
Мне снега
места не найдется.
Я вновь останусь
в феврале
В метели,

БЕЗЫМЯННЫЙ КУРГАН

Стоит молчаливо,
где быстрый Донец
Проносится мимо
дымаво-колед,
Курган безымянный,
поросший бурьяном...
Еще до него не дошли
следопыты,
На все еще глыбы
и тайны открыты,
А в школе окрестной
простецкий музей
Еще не собрал
удельных друзей.
Разрушало время
трагичнейшей сети,
Простреленной каской
играются дети...
Но верится мне,
что со временем встанет
Курган безымянный
большим пьедесталом
И наматую вечной
согреются камни,
Что кровью полны
советские парни!

ИМПЕРАТОРСКИЙ КЛУБ СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК ЯНВАРЬ-76

что олять смеется.
Не признаю я
длинных фраз,
И ты вновь
сердишься безвольно.
А я люблю тебя,
чуждак,
И вновь живу
твоей акробатой.
Она мне — воздух,
солнцы свет,
Дерево
трепетные листья,
И как награда:
«вдв» и «нет» —
Я не могу тебе
открыться.
Мне чужды
длинные разлуки —
Неотделенны
дни от дней,
И кажется,
что дни все слиты:
Моя любовь —
сродни твоей!
Мне чужды
длинные разлуки.
У нас разлука лишь
одна —
И ты
на расстоянье звука,
На взмахе
птичьего крыла.

Н. СОЧИКИН ПЕРВОЕ СЕИДАНИЕ

Февраль сята пратер
на терке
И холодам поддел черту.
Я в старом парке возле
горька
Тебя впервые в жизни жду.
В той публе, памятной
до боли,
Пришла ты мной
повелевать.
И я послушно, как
невольник,
И я послушно,
как невольник,
Готов приказу выполнять.
И вот, смешишь и оробелья,
Ни жив, ни мертва иду
с тобой,
А снег палят —
он белый-белый,
Он белый, прямо голубой.

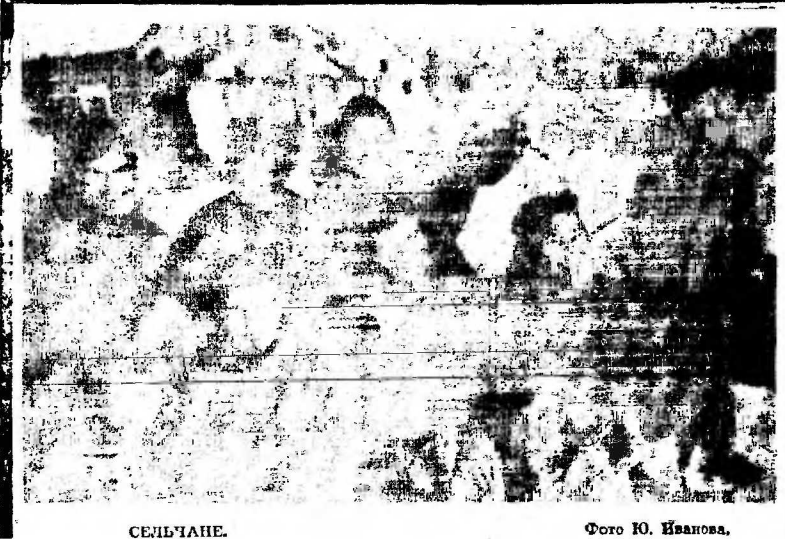
С возрастом приходит
умудренность,
Важность и вечные дела —
Юные мечты и увлеченность
Жизнь в иную степенность
возвела,
Кажется, вещей не ошибался.
Не влюблялся разуму назло,
А при неудачах не срывался,
Опущен от горячи весло,
Чем гордился — брошено,
забыто.
Улетело в дальние края.
Под семью печатями
сырота
Откровенность премия
мои
Потускнели розовые красны,
Журнали остались
в небесах...
Опасался смеха и огласил,
Жизнь терзаешь
на весах.
И не счесть на сердце всех
отметин.
И порываю волю не даешь,
— На границе трех десятилетий
По-прежнему все осознаешь.

3. ЧЕРКАСОВА

Снег висит над городом
Хлопьями пушистым,
Веет синим холодом
От чуда серабристого.
Над вечерней улицей
Фонарей букеты.
Я не буду хмуриться
В зимний вечер злот.
Мои думы горькие
Снегом завалила,
Фонарями зоркими
Разум осветило.
Под перину снежную
Кледы мои печали,
Чтоб с водою внешне
Навсегда умали.

Мать собрала
В саю песнь колыбельную
Слова,
Что от самого сердца идут,
Их нежность,
Их сила любви
бесправдальной
Легкий венок
Сновидений сплетут.

Я вспоминаю вдруг
Наш старенький домик,
Где детство мое,
Словно утро, прошло;

Сельчане. Фото Ю. Иванова.

СУРГУТ

Ты так богат улысками
девушек
И басом работяг-парней,
От голосов их так бываешь
звонок,
Что нет для сердца города
родней.
Ты — наш, ты — комсомольца
город.
Тебя согреем мы, дадим
тебе уют.
Пусть будут Душанбе,
Одесса, пусть их много,
И с ними ты, наш северный
Сургут.

Прозрачны звезды от мороза,
Ветра в окошко глухо бьют,
Ребята курят лаптросы
И отпусков весенних ждут.
Вот так тоскует друг без
друга,
Тревожа песней тишину,
А между ними мгла и вьюга
И снег, скрывающий луну.
Не надо писем, не пишите,
Слова — не главное в любви,
Слушайте, девушки, гештите,
Вас ждут в поселках на
Оби.

А. ТЕНЯКОВ

Только шорох полочного
сада
И мои размышленья в ночи,
Чутко дышит ночная
прохлада —
Синий отблеск от пушистой
свечи.
На душе так легко
и тревожно,
И предчувствена ранней
зимы.
Я иду по земле осторожно,
Вспоминая прошедшие сны.
Вот тропинка,
ограда,
калитка.
Занавеска в заветном окне.
Постучусь я березовой
веткой —
Ты зорей возвратишься
ко мне.

В. ШЛЕНСКИЙ Вас ждут в поселках на Оби

Плчет девчонки вечерами
Про безответную любовь,
А где-то за семью снегами
Течет река с названием Оби.
Плчет девчонки в не знают,
Что там, в поселках на Оби,
Грустят ребята в мечтатю,
Ты точно так же о любви.
Луна плывет мотивом старым,
Стараясь чем-нибудь помочь.
И кто-то тербит гитару
За переборкою всю ночь.

Л. ТРОФИМОВА

Как солнца луч,
Как свет окна —
Так ты могуц,
Так я нежна.
Как рек разлил,
Как взлет орла —
Так ты красив,
Так я одна.
Как сада цвет
После зимы —
Завенело «нет»
В прохладе тишны.

ОНА проснулась среди
ночи с чувством неслы-
шной тревоги. Затянула дыша-
ние: в тишине гудели стру-
ны гитары.
Но не это ее разбудило...
Яркая вспыхнула молния
ударяла ее окном, осветила
фантастическим светом
спальню.
Жизненная крыша флигеля
отозвалась неустойчивым гро-
хотом. Стены дома как бы раз-
двинулись, Гитара ахнула окри-
пленным басом и жалобно
застонала.

«Это же гроза, — подумала Анна, — первая в этом году». Запомнились слова отца: «Если первый гром прогремел утром — лето будет умеренное, если в полдень и с южной стороны — теплое, плодородное, под вечер — теплое, но осень холодная». После размышлений при бурной грозе Анна услышала, как шестит тихий, успокаивающий дождик. Спать раскочевало. Гроза все реже и реже всплескивала цветными пеночками, устало ворча простуженным голосом. И ей вдруг стало грустно с ней расставаться. Ведь в ушах еще шумела и ликовала рожденная грозой незнакомая мелодия.
...Ее разбудило солнце, шум ближнего берега, пушистая настая знойного леса. На дворе, в лужицах-блюдечках купались воробьи.

ПЕРВЫЙ ГРОМ

В. Силин живет и работает в Сытолине. Его рассказы, зарисовки, очерки не раз печатали газеты. «Северный огонек» знакомит читателей с повестью В. Силина.

Звучали короткие трели автотранса чердаке — их воробьиное напутствие подвешенных сорок: «Гроза, сестричка, кончилась, улеглись волнения»... Под крышей соседнего дома гesticка пелила домик из глины и кирпича. Скворец сидел на верхушке оли и старался перелететь звончиги говор Домашних голубей.
Анну потянуло в сад. Умытый и свежий, он гудел, волновался и радовался трудолюбиво пчел, благоухал тонким ароматом цветущих лип и черемухи. Она присела у кустика ярко-красной саранчи и прошептала вспоминая стихи: «Их война на серьезность испытала, В День Победы грянет им салют!»
Девушка любила капитана — Соловьи свое еще возмуща...
...Возвращалась оваренные грозой и светлом, мажорное настроение, с нотами Анна уснула. И снова

она услышала в себе музыку. Только теперь грозовое буйство и шестлет дождя перекликались с нежным поведением иволги, с пламенем сараны, выросшей, по рассказу-легенде, из сердце капитана.
Анна пыталась сопротивляться этой новизне, хотелось до конца послушать то, ночью, что уже устоялось. Однако новое властно вривалось в ночной хор и вовсе не мешало, е расщивало, усиливало музыку. Анна вернулась в комнату и взяла гитару. Звучи оглушили ее счастьем. Она играла долго и вдохновенно. Закрыв глаза, слушала давно ступившую грозу, думала о ней, первой в этом году, о целостности лесных великанов, о пичьих голосах раннего утра...
В ее музыке был гром, шелестящие капли дождя, фейерверк молний, неугомонное пение птиц. Об этом и многом другом поведала ей ночная гроза.